

УДК 630*652

Е.С. Романов

Романов Евгений Самуилович родился в 1929 г., окончил в 1952 г. Архангельский лесотехнический институт, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики отраслей Архангельского государственного технического университета, академик РАЕН. Имеет более 140 печатных научных работ по проблемам экономической эффективности, инвестиций и производственных мощностей в лесозаготовительной промышленности.

О РОЛИ РЕНТЫ В ПЛАТЕЖАХ ЗА ЛЕС

Высказано мнение, что в лесозаготовительной науке и практике понятие ренты рассматривается упрощенно, смешивается с возмещением затрат на воспроизводство. Заостряется вопрос о сверхприбылях лесопереработчиков-экспертов, остающихся вне воспроизводственного процесса.

рента, возмещение затрат, сверхприбыли, изъятие ренты, экономическая рента.

1. Последние два-три года (1998–2000) характерны для лесозаготовительной науки повышением внимания к вопросам платности лесных ресурсов. Появилось довольно много публикаций, защищены диссертации (среди них выделяется докторская диссертация первого заместителя главы Республики Коми А.А. Каракчиева, 1999 г.). Есть сообщения о компьютеризированных системах расчетов, связанных с платой за лес на корню. Это работы В.И. Летягина и С.В. Починкова (Росгипролес), М.Ю. Клинова (Рослесхоз), Н.П. Чупрова и Е.Д. Антупьевой (СевНИИЛХ), А.А. Каракчиева и др.

В каждой статье или расчетной модели, естественно, есть что-то свое, более или менее оригинальное. Но все авторы спешат заверить, что они базируются на рентном подходе. При этом молчаливо предполагается, что с понятием ренты все хорошо знакомы, что теоретически неясного, спорного здесь ничего нет, и практически все рассматривают и рассчитывают ренту как остаток от цены готовой лесопродукции после вычета затрат на лесозаготовку и переработку древесины и прибыли, причитающейся лесопромышленникам и другим хозяйствующим субъектам. Различия подходов заключаются в том, ограничиваться ли стадией лесозаготовок или идти до изготовления продукции деревообработки и ЦБП, и тем, как определить затраты и прибыль этих субъектов.

Авторы, которые выступают за определение ренты на стадии лесозаготовок, предлагают устанавливать нормативы затрат и рентабельности. Дальнейшие различия подходов состоят в выявлении факторов, от которых зависят нормативы, и методов их учета. Авторы подхода, основанного на определении ренты от цены продукции переработки, лишь декларативно

заявляют об этом, либо пространно аргументируют, оперируя буквенными формулами, условными числами, но умалчивают о том, каким же образом по-настоящему, на деле, установить, подсчитать затраты переработчиков, транспортников и др. При этом сразу возникает вопрос, по каким видам лесопroduкции надо «подбираться» к ренте? Естественно, все назовут прежде всего пиловочник и балансы. Но лесосечный фонд не отводится по этому признаку, и всегда есть возможность получить другие сортименты. Расходы по переработке зависят от множества факторов, то же характерно и для транспорта, и подсчитать общественно необходимые затраты (без всякой иронии используя это понятие из политэкономии) практически не удастся при всех неограниченных возможностях современной вычислительной техники. Статистические данные, несомненно, искажены самими переработчиками. Не просто учитывать влияние мировых цен и внутренних монополизмов. Особенности этих расчетов, уровни нормативов, степень учета динамических факторов, влияющих на все элементы затрат, и другие обстоятельства не оглашаются, и потому трудно поручиться за объективность результатов, особенно с точки зрения изменчивости затрат во времени. Тем не менее эти нормативные расчеты – пока единственное, чем можно сегодня конкретно аргументировать в спорах о ренте. Нужно, чтобы модели расчетов и уровни показателей были более открытыми для дискуссии.

2. Отправным моментом большинства выступлений по вопросу о платежах за лесные ресурсы в России является их малая величина. Одни авторы, называя абсолютные значения лесных податей и арендной платы, лишь констатируют, что они малы. При этом в качестве мерила стало модным использовать, например, цены на пиво [1]. Другие отталкиваются от того, что в России доля платежей за лес на корню в себестоимости и цене 1 м³ лесопroduкции составляет всего 3 ... 5 %, тогда как в Финляндии, Швеции и др. она достигает 30 %. Наконец, есть авторы, которые, не называя никаких чисел, просто утверждают, что государство наше не добывает ренту. В самом деле, как сообщил заместитель председателя комитета природных ресурсов (бывший начальник Управления лесами) Архангельской области А. Шкурат [3], минимальные ставки платы за древесину на корню в прошлом году были всего лишь 11 р. за 1 м³ – самые низкие по России (в среднем 17 р.). Явная заниженность этих такс видна в сравнении с ценами на аукционах: в 1999 г. было продано 999 тыс. м³ по средней цене 43 р. 41 к., что вдвое выше конкретных ставок, а в 2000 г. средняя цена 1 м³ возросла до 60 р. 28 к. [7].

Все сходятся на том, что плату за лес на корню надо поднимать. Никто, однако, не провел серьезного анализа цен на лесопroduцию на всех переделах (круглый лес, пиломатериалы, целлюлоза, бумага и др.) и соответствующих показателей себестоимости. Все оперируют условными числами, хотя заведомо известно, насколько велик разброс фактических цен и себестоимости на каждый вид продукции, и не ясно, какие уровни объективны.

Тем не менее очевидно, что арендная плата и лесные подати должны быть повышены, хотя бы в меру тенденции роста цен на лесопродукцию, с одной стороны, и основных, наиболее подвижных, меняющихся элементов затрат (топливо, энергия, оплата труда, транспортные тарифы), с другой.

Арендная плата и лесные подати, если и не по суммам, то в принципе должны быть основной формой платежей по сравнению с торгами и аукционами, поскольку арендная плата напрямую связана с деятельностью целой отрасли – лесозаготовительной. Повышение арендной платы, конечно, затронет лесозаготовителей, но аргументы типа «что с них возьмешь?» [1] неосновательны. Подавляющее большинство лесозаготовительных предприятий являются акционерными обществами и должны нести бремя экономически обоснованных затрат, связанных с природопользованием. Какие-то виды «снисхождения» могут иметь место по отношению только к тем лесопромхозам, где складывается острая социальная ситуация (угроза массовой безработицы и т. п.).

3. «Большой энциклопедический словарь» [БЭС. – СПб.: Норинт, 1997. – С. 1011] дает следующее определение понятия ренты: «Рента (нем. Rente от лат. reddita – возвращенная), доход, не связанный с предпринимательской деятельностью и регулярно получаемый рента в форме процента с предоставляемого в ссуду капитала, а землевладельцем – в форме земельной ренты со сдаваемого в аренду земельного участка». Таким образом, рента – это прежде всего доход. Далее, поскольку этот доход не связан с предпринимательской деятельностью, он, в принципе, не должен увязываться с расходами, не обязан их покрывать. Поэтому некорректно напрямую сравнивать полученную лесную ренту с расходами на лесное хозяйство, лесовосстановление. Собственник наших лесов – государство, и только в масштабах страны бесспорно требование покрытия расходов доходами. Их этого исходила и практика установления лесных такс в СССР. Отсюда вытекает необходимость и справедливость централизации лесного дохода. Как потом эти средства в виде финансовых потоков пойдут (и дойдут) «от Москвы до самых до окраин», – совсем иной вопрос, более практический, чем теоретический.

Пользуясь терминологией марксистской политэкономии, можно сказать, что лесная рента – это понятие базисное, т. е. относящееся к базису (основу которого составляют отношения собственности), а финансирование лесного хозяйства – понятие надстроечное, из области законодательства, постановлений, инструкций и т. п.

Отсюда можно сделать, по меньшей мере, вывод, что «на местах», беспокоясь о финансировании лесного хозяйства, незачем постоянно трубить о ренте: «лесная рента стучится в дверь...» [4] и т. п. Рента – это забота собственника-государства (правда, приходится добавлять: и субъектов федерации в меру их совместного владения лесами, памятуя о нечетких и спорных положениях Конституции и Лесного кодекса РФ). Всем, кто озабочен финансированием лесовосстановления и лесного хозяйства вообще, надо апеллировать не к самой ренте, а к законотворчеству о финансовых пото-

ках, где «рентный» источник можно и нужно дополнять прямыми поступлениями от присваивающих ренту лесопереработчиков, увязывая их с затратами на воспроизводство лесов.

В вопросе, из каких цен – на круглый лес или на продукцию лесопереработки – исходить при «улавливании» ренты, нужна гибкая позиция: исходить из цен на круглый лес, но просчитать варианты и по пиломатериалам, целлюлозе. Пока этого не сделал никто из тех, кто на словах утверждает, что исходить надо «из цен конечных продуктов» (даже если допустить, что для данной цели можно считать конечными продуктами пиломатериалы и целлюлозу).

4. Высокая рентабельность российских лесоэкспортеров, торгующих продукцией переработки, это прямое свидетельство присвоения ими ренты. Явно уступая аналогичным зарубежным предприятиям в техническом и организационном уровне, они наверстывают объемы лесоэкспорта за счет все еще низкой, по сравнению с Западом, зарплаты (хотя здесь им сильно мешает высокая трудоемкость) и особенно за счет заниженной платы за лес на корню (где им мешают разве что издержки лесозаготовителей-поставщиков сырья, которыми обрастает низкая корневая плата).

Практически единодушно мнение, что высокая прибыльность российских целлюлозно-бумажных предприятий-экспортеров не является прямым результатом их деятельности и, следовательно, не может полностью, безоговорочно считаться заработанной. Так, трех-, четырехкратное превышение средней зарплаты на архангельских ЦБК над зарплатой лесозаготовителей не удастся объяснить никакими инвестициями и талантами менеджеров. Ведь нигде в развитых странах нет такого вопиющего различия! Дело не столько в специфике самих отраслей, производства и менеджмента в них, сколько в формировании доходов. Образно говоря, целлюлозники не втрое – вчетверо умнее и искуснее лесозаготовителей и вдвое – деревообрабочиков в работе и расходах, а вот в формировании доходов и впрямь ушли далеко вперед. Переработчики (не только ЦБП) занижают цены лесозаготовителям и «снимают сливки» с лесоэкспорта. Их избыточная прибыль очевидна. Скупые официальные данные о рентабельности ЦБП (36 % в [1] и т. п.) явно занижены. «Сюда перекачиваются миллионы от лесорубов и рентные платежи из-за диктата цен (по причине монопольного положения потребителя сырья). Вот у кого не только возможно, но и нужно изымать всю полноту ренты, присвоенной в качестве сверхприбыли... Но для этого нужна политическая воля государства», – сказано в [1].

5. Эта точка зрения получила поддержку на коллегии Минприроды РФ в декабре 2000 г. Но согласятся ли с нею наши лесопереработчики? И что значит «изымать всю полноту ренты»? Как изымать? Сколько? Вопрос разделения прибыли переработчиков (в первую очередь экспортеров) на две части (созданную ими и обусловленную рентой) наиболее важен, сложен и в то же время деликатен.

Вот аргумент корифея отечественного лесоустройства М.М. Орлова (1928): «Заводское предприятие может указать на то, что должна быть уста-

новлена самая низшая корневая цена на древесину, которая будет предоставляться заводу, так как помимо завода лес сбыть некуда. На это лесное хозяйство обязательно возразит, указав, что если лес без завода мертв, то и обратно – завод без леса не может существовать. Естественным выводом из этого является оплата древесины *в половине* доли дохода, который дает или может давать заводское предприятие» (цит. по [6, с. 17], курсив наш. – *Е.Р.*).

Поделить доход пополам – это логический, приблизительный и давний довод. Но есть аргументы более конкретные и близкие по времени. В статье с весьма выразительным для нашей темы названием «Рента и государство (проблемы реализации рентных отношений в современной России)» С. Ивановский приводит данные статистики: «... с 1930 по 1992 гг. функцию аккумуляции ... прибавочного продукта (чистого дохода) ... и передачи ее в централизованный бюджет государства выполнял налог с оборота, основным источником которого служил прибавочный продукт, создаваемый почти на 80 % в сырьевых и добывающих отраслях... Он реализовывался главным образом в отраслях перерабатывающей промышленности, где рентные доходы ресурсодобывающих отраслей ... принимали форму доходов отраслей, производящих конечную продукцию. По расчетам экономистов, в 70–80-е годы величина земельной ренты достигала в среднем около 60 % суммы налога с оборота, а всей ренты в народном хозяйстве, включая горную, – почти 80 %» [2, с. 86, с сокращением]. И далее: «Неудивительно, что отечественные экспортеры стремятся наращивать поставки на мировые рынки. Это позволяет им присваивать сверхприбыль, или значительную долю экспортной (мировой) ренты. Между тем она должна представлять наибольший интерес для государства, поскольку ее объем дает возможность сформировать в федеральном бюджете целевой фонд воспроизводства ресурсного потенциала для поддержки сырьевых отраслей» [там же, с. 90].

6. Идея образования целевого фонда государственной поддержки лесного сектора содержится в статье А.П. Петрова [5]. Он пишет, что элементами новой финансовой системы должны стать: «рентные платежи (цены леса на корню)» и «минимальные ставки платы за древесину», которые «должны определяться исключительно нормативными затратами на воспроизводство лесов, что должно создать механизм защиты интересов собственника через гарантированное поступление средств на эти цели... Разница между величиной рентных платежей (цен леса на корню) и минимальными ставками платы за древесину, будучи достаточной величиной, создаст финансовую основу для государственной поддержки развития лесного сектора на территориях (строительство новых промышленных предприятий, модернизация действующих производств, строительство лесовозных дорог и т. п.)». Здесь обращают на себя внимание термины «рентные платежи (цены леса на корню)», «минимальные ставки платы за древесину».

7. В [7] говорится, что коллегия Минприроды РФ в конце 2000 г. обсуждала вопрос «О концепции платежей за пользование участками лесного фонда». Есть сообщения, что в Госдуме подготовлен проект соответствующий

щего федерального закона. Таким образом, очевидны не только оживление интереса к проблеме платности, но и значительные усилия в теории и практике. И все же остаются настораживающие моменты. О ренте мы все еще судим как о некоем остатке от цены, который должен принадлежать собственнику, тогда как современная экономическая наука использует более широкое понятие «экономическая рента», рассматривая его как синоним экономической прибыли, обсуждает вопрос о разделе ее на долю государства и инвестора (при освоении недр) и т. д.

Платность лесных ресурсов и лесопользования – это часть большой общей проблемы платности природопользования. Похоже, что мы пока еще «не вышли из леса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисов О.* Пока лес на корню по цене ... дешевого пива // Лесн. газ. – 2000 г. – 30 дек. – С. 2.
2. *Ивановский С.* Рента и государство (проблемы реализации рентных отношений в современной России) // Вопр. экономики. – 2000. – № 8. – С. 84–97.
3. *Кондратьев С.* Архангельский лес стал самым дешевым в России // Правда Севера. – 2001. – 14 мар. – С. 6.
4. *Львов Ю.* Лесная рента в дверь стучится // Правда Севера. – 1999. – 4 авг. – С. 8.
5. *Петров А.* Доходность лесопользования и реформа управления лесами в России // Лесн. газ. – 2000. – 9 сент. – С. 2.
6. *Починков С.В., Златова А.В., Шуманкова Ю.Б.* Корневые цены на древесину в Советской России в переходный период (1918-1930 гг.) // Лесн. хоз-во. – 2000. - № 4. – С. 15–17.
7. *Фомин А.* Доходность лесов – основа лесной политики // Волна. – 2001. – 6 мар. – С. 4.

Архангельский государственный
технический университет

Поступила 29.03.01

E.S. Romanov

Rent in Payments for Wood

The opinion is pronounced that the notion of rent is treated in forest-economical science and practice in a simplified way and mixed with replacement of reproduction costs. The question of excess profits of wood-processors and -exporters remaining outside the reproduction process is emphasized.
